

Librarium

**MARCEL
PROUST**

LES PLAISIRS
ET LES JOURS

МАРСЕЛЬ
ПРУСТ
УТЕХИ И ДНИ

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)5-44
П85

*Перевод с французского Е. Тараховской, Г. Орловской
Вступительная статья А. Маркова*

Пруст, Марсель

П85 Утехи и дни / М. Пруст ; [пер. с фр. Е. Тараховской, Г. Орловской ; вступит. ст. А. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик. — 310 с. — (Librarium).

ISBN 978-5-519-64236-1

Дебютная прозаическая книга Марселя Пруста «Утехи и дни» (1896) — литературный эксперимент «прекрасной эпохи», манифест эстетической отрешенности, вышедший в атмосфере нескончаемых писательских споров и конфликтов. Короткие новеллы книги — мастерские зарисовки и одновременно размышления о природе искусства и измеримости искусства с жизнью. Ранняя книга Пруста помогает разобраться в механике его великого романа и при этом не раз заставляет пережить восторг перед непостижимостью мира. В предисловии к изданию профессора РГГУ А.В. Маркова объясняется литературный и культурный контекст создания книги.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)5-44

© Марков А. В., вступительная
статья, 2018

© Издание, оформление.

ООО Группа Компаний

«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64236-1

Рассвет Пруста

Есть писатели, подводящие итоги своему поколению, своей эпохе, пережитому или не пережитому за отведенный им срок жизни. Пруст выделяется среди них тем, что подводит итоги исканиям сразу множества поколений, — во всяком случае, нескольких поколений Франции после Наполеона, — и говорит не просто о завершении эпохи, а о возможности одной эпохи очароваться другой, заглядеться в нее как в зеркало. Конгениален Прусту, вне сомнения, Лев Толстой, показывавший несводимость жизни как целого к опыту отдельных персонажей. Но для Пруста было важнее показать, как возможен персонаж, который может вообще как-либо отнестись к жизни как целому. В великом романе Пруста таков персонаж, вспоминающий себя, но при этом не торопящийся самоуверенно настаивать на своей неизмен-

ности, а попросивший у времени отсрочки собственным неизбежным заблуждениям. В «Утехах и днях», произведении очень юношеском, рассказывается о разных отсрочках: любящейся и робкой, задумчивой и ликующей. В любом случае, когда очередной герой этой небольшой книги показывает себя, время должно немного подождать в недоумении, как перед чем-то небывалым, даже если речь идет о мелочах и подробностях светской жизни.

Казалось, ни природой, ни воспитанием Марсель Пруст не был направляет к тому, чтобы стать великим писателем. Отец его, Адриан Пруст, врач-эпидемиолог, уже к рождению сына был европейской знаменитостью, а его высокое положение, с годами только укреплявшееся, обязывало слишком ко многому — например, в защиту Дрейфуса он смог говорить только через своих учеников. Адриан Пруст внимательно изучал санитарный опыт разных стран (в том числе, как в России организуется карантин) и давал советы всему миру по здоровому образу жиз-

ни. Но если мы бы побывали в его квартире, где Марсель и прожил почти до тридцати лет, то мы бы не увидели там никакой легкости, которая для нас сопровождает мысль о здоровом образе жизни. Тяжелая мебель, панели и ковры, глубокие пещеры важности, при этом в новейшем доме с ванной и лифтом, недалеко от вокзала Сен-Лазар на обустроенном бароном Османом бульваре самоуверенных архитектурных новинок, всё это меньше всего вязалось с будущим дендизмом Марселя — в этих комнатах, казалось, никогда не сможет задержаться легкомыслие вместе со своим свойственником вдохновением.

Год рождения Марселя Пруста, 1871, был годом поражения Франции в войне с Германией, взрывом Парижской коммуны, ямой разорений и разочарований, нехватки самого простого продовольствия в городе, когда даже молоко надлежало добывать с большими усилиями. Чувствительность была назначена мальчику как светским воспитанием в эпоху, когда все светское должно было заново пробивать себе дорогу в век позити-

визма, и значит, так остро переживать свою ненужность, чтобы обретать лишь в себе новые силы для бытия, — так и состоянием тогдашней медицины. Тяжелейшая болезнь будущего писателя, астма, в те времена имела во мнении светил медицины не биологическую, а психологическую этиологию. Считалось, что астматический кашель — это особое нервное состояние; и достаточно спокойных занятий и регулярных гигиенических процедур, чтобы ослабить симптомы. Марсель привык к этой спокойной строгости наблюдений за собой, но недуг навсегда остался с ним.

В 1882 г. Марсель выдержал экзамены в лицей Кондорсе, где часто недужно отсутствовал на занятиях, но пылкая дружба и благоговение как перед преподавателями, так и перед товарищами определяли его стремительный духовный рост. В школьные годы он знакомится с двумя важнейшими товарищами, Люсьеном Доде, сыном романиста Альфонса Доде, и Жаком Бизе, сыном прославленного композитора, и уже не пред-

ставляет жизни без общения с ними. Отношение к ним у него было особое: смесью застенчивости и требовательности, желанием видеть каждую минуту жизни своих друзей и при этом страсть к письму, которое и даст нужное место всем вольным мыслям и чувствам. Эта особая заинтересованность, конечно, формировала писательский дар Марселя, не меньше чем школьные сочинения, в которых нужно было отстаивать какой-то тезис: здесь ему надлежало отстоять самого себя.

Но кроме этих друзей, интерес к которым был больше чем дружбой, будущий прозаик охотно общался с будущим живописцем Морисом Дени, одним из создателей группы «Наби» (1890—1905, в переводе с древне-еврейского «Пророк»), которые следуя густому аллегоризму де Шаванна, всем этим образом «вечной весны» или «сна», возвещали о способности искусства преодолеть не только сковывающие привычки и артроз чувств, но и время. Пруст и Дени одинаково чтили философию Бергсона (мужа кузины

Пруста!), а любовь к новой философии им привил, с одной стороны, их учитель философии Альфонс Дарлю, а с другой стороны — еще один лицеист, Фернан Грег, который в 1896 г., вспомнив о лицейских товарищах, решил собрать их в журнале «Пир»: в этом издании, наравне с набросками Пруста, печатались и работы Бергсона. В «Пире», хотя журнал просуществовал меньше года, хотели увидеть свет многие, например, Леон Блюм, будущий премьер-министр социалистического правительства, который тогда публиковал небольшие эссе, а потом в 1901 г. создал новые разговоры Эккермана с Гёте, в которых обсуждал от лица мастера современную литературу от «Анны Карениной» до «Крестового похода детей» Марсея Швоба. Дарлю, которого Пруст бесконечно чтит и благоговейно поминал в том числе в начале «Утех и дней», создал «Журнал метафизики и морали», с целью противопоставить новую науку дилетантским рассуждениям моралистов, и на страницах журнала появился однокурсник Берг-